творцы», которые к тому вермени и позднее совершили в Поморье ряд «чудес».

2 декабря 1626 г. Архангельского города стрелец Терентий Филиппов Тырлов под присягой сказал, что в 1606 г. в команде стрелецкого сотника Смирного-Чертовского, на лодье пятидесятника Шестого Лодыгина, вместе с 50 служилыми людьми, он был послан в Кольский острог.[16] Во время морского плавания на отстое лодья попала в страшную бурю и стала тонуть. Избавление пришло от Ивана и Логина Яренгских, якобы явившихся стрельцу на корме судна.

Промышленник Княжоостровской волости Пятый Юрьев 4 декабря 1626 г. сказал, что в 1593 г. с Терской стороны на семи лодьях он вместе с промышленником Стефаном Поваровым возвращался в родные края и попал в шторм. Два дня и две ночи носило суда по морю. Штормом сломало мачту, изорвало парус, шесть лодей погибло на море («разбило и по берегу разметало»). Он спасся только благодаря «чудесному» вмешательству Ивана и Логина.

Эти свидетельства мореходов интересны тем, что рисуют картину довольно развитого в конце XVI в. поморского судоходства в Белом и Баренцовом морях.

В житии Иринарха содержатся несколько весьма метких и ярких зарисовок поморского зверобойного промысла.

В первом «чуде» Иринарха рассказывается, как «на промысел морских кож и сала» ходили с Двины «по обычаю» две ромши — промышленные артели, обычно состоящие из пяти карбасов по четыре человека в каждом. Чаще всего ромши составлялись для весновального промысла у Летнего, Терского берега Белого моря.[17] Во главе артелей стояли два юровщика (управляющие ромшею промышленники), «в том промысле сведущих и скусных людей».[18] А остальные промышленники, сказано в житии, «им послушны суть». По окончании промысла, «егда же с торосу на море судами спустишася», разразилась буря, суда вместе со льдом вынесло «в морскую пучину далече и носило в тех льдах многие дни». Первая артель была отнесена к зимнему берегу Белого моря, т. е. на противоположную сторону моря, другая — к Анзерскому острову.

В этом рассказе имеется одна любопытная деталь: упоминание о торосах, морских льдах, на которых производился промысел. Это упоминание — одно из самых ранних в поморской литературе. Оно свидетельствует о том, что, во-первых, в Поморье XVI и начале XVII в. уже была известна определенная классификация льдов и что, во-вторых, уровень поморского ледового мореплавания того времени был достаточно высок.

В другом «чуде» Иринарха повествуется о промысле морского зверя на самой льдине. Некая промышленная артель ходила весной в море и после долгих поисков залежек зверя обнаружила льдину, «длиною на версту или мало больше».[19] Немедленно суда были втащены на льдину и приготовлены к промыслу. Настала ночь, люди легли отдохнуть, укрывшись «буиной» — грубым полотном. По обычаю, когда артель ложилась спать, кто-нибудь из промышленников оставался караулить. Усталость была так велика, что сторож задремал. Во время сна к нему якобы явился старец Иринарх и приказал, чтобы промышленники немедленно поднялись, так как на льдину пришли тюлени. Вот как описывается дальнейшая

---

[16] Сол. собр., № 182/182, л. 138.

[17] А. Подвысоцкий. Словарь Архангельского областного наречия. СПб., 1885, стр. 148.

[18] Сол. собр., № 238, л. 4.

[19] Сол. собр., № 238, л. 6 об.